

Уголовно-правовые науки / Criminal-legal sciences

Редактор рубрики П. А. Кабанов / Rubric editor P. A. Kabanov

Научная статья

УДК / UDC 340.1:343.21:80/81

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.3.673-689>

С. М. Иншаков¹,

В. А. Казакова^{1,2}

¹ Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

² Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Филологические аспекты уголовного правоправедения

Контактное лицо:

Иншаков Сергей Михайлович, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, профессор кафедры национальной безопасности и правоохранительной деятельности Института международного права и правосудия, Московский государственный лингвистический университет

E-mail: insmi@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6412-4633>

Web of Science Researcher ID: R-1384-2016

eLIBRARY SPIN-код: 3528-2941

Казакова Вера Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия, Московский государственный лингвистический университет; главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем оперативно-розыскного обеспечения противодействия преступлениям коррупционной направленности научно-исследовательского центра по исследованию проблем противодействия преступности в сфере экономики, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России

E-mail: vera1313@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7453-6201>

Web of Science Researcher ID: R-1374-2016

eLIBRARY SPIN-код: 1996-1137

Аннотация

Цель: выявление влияния текстологических механизмов филологического анализа на формирование и развитие уголовно-правового законодательства и правоприменения.

Методы: общенаучный метод диалектического познания и основанные на нем частно-научные методы: исторический, сравнительно-правовой, конкретно-социологический, формально-юридический, филологический.

Результаты: показаны различные аспекты и этапы связи филологии, правотворчества, правовосприятия, правоприменения. Исследуются вопросы толкования законодательства, результаты интерпретации законотворчества судебными инстанциями, воздействие нормативных установлений на криминологическую ситуацию. Обосновывается теоретическая значимость филологического метода исследования права, перспективность анализа филолого-

правовых проблем в качестве научного направления. Доказывается зависимость эффективности правовой нормы от ее соответствия языковым парадигмам, устоявшимся понятиям, специальным терминам, способам построения фраз. Приводятся примеры уголовно-правовых новаций, дается их характеристика в аспекте эффективности, оказания положительного или негативного влияния на противодействие преступности, коррупционности, содержания в них противоречивых положений, завуалированной двусмысленности, юридических фикций. Рассмотрение указанных вопросов осуществляется в рамках следующих блоков: зарождение правовой идеи посредством филологических механизмов дискурсивного мышления; формулирование и обсуждение идеи правовой нормы; реализация правовой идеи в тексте законопроекта; анализ и обсуждение законопроекта, коррекция двусмысленных и противоречивых терминов, окончательное формулирование диспозиций и санкций; толкование закона; систематизация уголовно-правовых понятий и структурирование кодифицированного права, восприятие закона гражданами и отражение объективного содержания правовой нормы в их правосознании, мыслях субъекта, его чувствах и отношениях.

Научная новизна: выявлены направления взаимодействия филологии и права, касающиеся механизмов трансформации правовых идей в норму права, проанализированы этапы этого процесса, проявления филологических закономерностей формирования права, причины искажения правовой идеи законодателя, обсуждения правовых норм, их видоизменения на стадии прохождения законопроектов и их восприятия юридической общественностью, населением. Иллюстрируются возможности использования коррупционного давления и лоббирования в процессе законотворчества и правоприменения, а также негативные результаты пренебрежения филологическими законами при разработке, принятии и изменении уголовного законодательства.

Практическая значимость: обоснованы рекомендации по учету филологических закономерностей в конструировании правовых норм, их адаптации к правоприменительной практике в процессе толкования и использования.

Ключевые слова:

уголовно-правовые науки, филология, правотворчество, правоприменение, новации уголовного законодательства

Как цитировать статью: Иншаков, С. М., Казакова, В. А. (2026). Филологические аспекты уголовного правоведе-ния. *Russian Journal of Economics and Law*, 20(3), 673–689. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.3.673-689>

Scientific article

S. M. Inshakov¹,

V. A. Kazakova^{1,2}

¹ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

² All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Philological aspects of criminal law

Contact:

Sergey M. Inshakov, Dr. Sci. (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor, Department of National Security and Law Enforcement, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

E-mail: insmi@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6412-4633>

Web of Science Researcher ID: R-1384-2016

eLIBRARY SPIN-code: 3528-2941

Vera A. Kazakova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University; Chief Researcher of the Department for Investigative Provision of Countering Corruption Crimes, Scientific-Research Center for Countering Crimes in Economic Sphere, All-Russian Research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

E-mail: vera1313@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7453-6201>

Web of Science Researcher ID: R-1374-2016

eLIBRARY SPIN- code: 1996-1137

Abstract

Objective: to detect the influence of text-study mechanisms of philological analysis on the formation and development of criminal law legislation and law enforcement.

Methods: the general scientific method of dialectical cognition and the specific scientific methods based on it: historical, comparative-legal, concrete-sociological, formal-legal, and philological.

Results: the article shows various aspects and stages of the connection between philology, law-making, legal perception, and law enforcement. The author examines issues related to the interpretation of legislation, the results of judicial interpretation of law-making, and the impact of regulatory provisions on the criminological situation. The theoretical significance of the philological method in legal research is substantiated, as well as the potential of analyzing philological and legal issues as a scientific field. The study demonstrates that the legal norm effectiveness depends on its compliance with linguistic paradigms, established concepts, specialized terms, and ways of constructing phrases. Examples of criminal law innovations are provided, and their characteristics are examined in terms of their effectiveness, their positive or negative impact on combating crime, their potential for corruption, the presence of contradictory provisions, veiled ambiguity, and legal fictions. These issues are considered within the following blocks: the emergence of a legal idea through the philological mechanisms of discursive thinking; the formulation and discussion of the idea of a legal norm; the implementation of a legal idea in the text of a draft law; analysis and discussion of the draft law, correction of ambiguous and contradictory terms, final formulation of dispositions and sanctions; interpretation of the law; systematization of criminal law concepts and structuring of codified law, perception of the law by citizens, and reflection of the objective content of the legal norm in their legal consciousness, the subject's thoughts, feelings, and attitudes.

Scientific novelty: the directions of interaction between philology and law were identified, focusing on the mechanisms of transforming legal ideas into legal norms. The stages of this process were analyzed, along with the manifestations of philological patterns in the formation of law, the causes of distortion of the legislator's legal idea, the discussion of legal norms, their modification at the stage of drafting bills, and their perception by the legal community and the public. The article illustrates the possibilities of using corruption-related pressure and lobbying in law-making and law enforcement, as well as the negative consequences of neglecting philological laws when developing, adopting, and amending criminal legislation.

Practical significance: the author substantiated recommendations for using philological patterns in the design of legal norms and their adaptation to law enforcement practice during interpretation and use.

Keywords:

criminal-legal sciences, philology, lawmaking, law enforcement, innovations in criminal legislation

For citation: Inshakov, S. M., & Kazakova, V. A. (2026). Philological aspects of criminal law. *Russian Journal of Economics and Law*, 20(3), 673–689. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.3.673-689>

Введение

Правоведение – довольно сложная область научного познания. Традиционно под наукой уголовного права понимается изучение уголовного законодательства и судебной практики, правосознания граждан, межотраслевой системный анализ правовых норм, толкование терминов. При таком содержании правовой науки филологический аспект познания играет одну из главных ролей. На неразрывное единство языка и права указывают многие исследователи (Александров, 2003, с. 12). Язык называют структурой права, его плотью и кровью (Голев, 2004). Такой подход к правоведению называют филологией права, юрислингвистикой, текстологией и т. п. (Голев, Иркова, 2023, 2025). Цель этой научной деятельности – установление степени конфликтогенности текста закона, выявление смысловых противоречий, по возможности устранение многозначного понимания запретов и дозволений. Названные проблемы поднимаются и в трудах зарубежных ученых (Лавицкий, Дединкин, 2024).

Анализируя процесс взаимодействия филологической доминанты и права, можно выделить ряд аспектов:

1. Зарождение правовой идеи посредством филологических механизмов дискурсивного мышления.
2. Формулирование и обсуждение идеи правовой нормы.
3. Реализация правовой идеи в тексте законопроекта: правовых терминах, специальных формулировках, непротиворечивых понятиях.

4. Анализ и обсуждение законопроекта, коррекция двусмысленных и противоречивых терминов, окончательное формулирование диспозиций и санкций.

5. Толкование закона: аутентичное, судебное, доктринальное.

6. Систематизация уголовно-правовых понятий и структурирование кодифицированного права.

7. Восприятие закона гражданами и отражение объективного содержания правовой нормы в их правосознании, мыслях субъекта, его чувствах и отношениях.

В идеале филологический метод исследования права заключается в следующем:

- исследование парадигм и закономерностей филологии;
- анализ права через призму филологических закономерностей;
- выявление несоответствий;
- приведение текстов законов и процедуры постижения права в соответствие с филологическими парадигмами и закономерностями.

Этот методический идеал не всегда удается последовательно реализовать в филолого-правовом исследовании по ряду причин. Во-первых, в филологии традиционно доминирует ориентация на общее языкознание и исследование художественного текста. И это вполне понятно, если учесть истоки этой науки: «Филология, возникшая в эпоху поздней Античности как деятельность по собиранию и установлению письменных памятников, всегда имела дело с текстом, точнее письменным текстом»¹. До сего времени научный и культурологический потенциал филологии реализован лишь в малой степени. Перспективы комплексных исследований на стыке филологии и специальных наук безграничны. Вот как этот аспект интерпретирует один из видных современных филологов В. Р. Тимирханов: «В мире человеческого духа и творчества нет уже ничего, что не относилось бы к сфере филологии»².

Специальная науковедческая текстология находится в стадии формирования. Правовая филология абсолютным большинством и филологов, и правоведов воспринимается как экзотическая область научного познания, притом что филологическая сущность права несомненна. Правоведы отмечают, что «уголовно-правовая наука испытывает жесткое давление нерешенных проблем, связанных с некачественным формулированием уголовно-правовых предписаний и последующим неудачным реформированием уголовного закона» (Ситникова, 2024, с. 16). Правовые идеи должны быть выражены в словах, и тут без филологических подходов не обойтись. Но здесь мы сталкиваемся с проблемой, которую филологи обозначили так: «Возникает своего рода давление материала на еще не окрепшую теорию»³. Представленная статья в определенной мере является тем самым материалом, который и давит на еще не окрепшую специально-филологическую теорию. При этом надо заметить, что развитие филологической теории становится одним из значимых аспектов филолого-правового исследования. Обе эти сферы познания не просто дополняют друг друга, но и оказывают взаимное развивающее воздействие.

Анализ филолого-правовых проблем – на наш взгляд, перспективное научное направление. И филологи, и правоведы в долгу перед этой исследовательской сферой. Предлагаемая вниманию читателей статья – один из шагов в изучении сложных филологических механизмов формирования и применения права.

Особую роль филологический подход играет в анализе генезиса права, содержания правовых норм на предмет их соответствия языковым парадигмам, устоявшимся понятиям, специальным терминам, способам построения фраз. Правовая норма должна быть сформулирована таким образом, чтобы, во-первых, она была понятна гражданам и правоприменителям, а во-вторых, чтобы в ней корректно на языковом уровне была выражена ее идея, вытекающая из потребностей гармоничного функционирования и развития социума. В перечень требований, предъявляемых к юридическим терминам, по мнению О. Г. Кузнецовой, входят: передача сущности обозначаемого понятия, их общеизвестность и признанность, стабильность, однозначность, наличие легального толкования при необходимости, минимальное использование иноязычных терминов (Кузнецова, 2022). К сожалению, эти требования остаются на уровне пока не достигнутого идеала.

¹ Земская, Ю. Н., Качесова, И. Ю., Комиссарова, Л. М., Панченко, Н. В., Чувакин, А. А. (2012). Теория текста: учебное пособие. Москва: Флинта: Наука. С. 9.

² Тимирханов, В. Р. (2017). Основы филологии: учебное пособие. (3-е изд., стер.). Москва: Флинта: Наука, 2017. С. 14.

³ Земская, Ю. Н., Качесова, И. Ю., Комиссарова, Л. М., Панченко, Н. В., Чувакин, А. А. (2012). Теория текста: учебное пособие. Москва: Флинта: Наука. С. 17.

Цель исследования: выявление влияния текстологических механизмов в рамках филологического анализа на формирование и развитие уголовно-правового законодательства и правоприменения.

Задачи исследования: определение направлений взаимовлияния филологии и уголовного права; выявление лакун, противоречий, искажения понятий в уголовно-правовых текстах; иллюстрация неоднозначного толкования юридических терминов в уголовном законодательстве, правоприменительной практике и общественном сознании.

Результаты исследования

1. Зарождение правовой идеи посредством филологических механизмов дискурсивного мышления

По Платону идея предшествует явлению и моделирует его (Платон, 1993). Не является исключением и правовая норма. При этом надо иметь в виду, что лингвистическая трансформация изначальной идеи – процесс достаточно сложный как с точки зрения психофизиологии, так и с позиции филологического анализа. Достаточно ярко этот процесс описан в фундаментальном труде основоположника филологических знаний Ф. де Соссюра: «Взятое само по себе мышление похоже на туманность, где ничто не разграничено. Нет предустановленных идей, и нет никаких различий до появления языка» (Соссюр, 2025, с. 112). Для того чтобы человек мог воспринять правовую идею, его сознание должно быть не только подготовлено фило-софско-правовыми знаниями, но и содержать лингвистическую основу, позволяющую трансформировать интуитивные импульсы и инсайты в словесные формулировки: «Характерная роль языка в отношении мысли не заключается в создании материального звукового средства для выражения идей, но в том, что он служит посредником между мышлением и звуком и притом таким образом, что их объединение неизбежно приводит к обоюдному разграничению единиц» (Соссюр, 2025, с. 112).

Указанные идеи могут быть положены в основу нового научного направления правовой психолингвистики. Именно оно прикасается к первоисточкам права и исследует феномен проникновения его в человеческую культуру.

2. Формулирование и обсуждение идеи правовой нормы

Идея правовой нормы возникает в сознании исследователя на основе изучения социальной реальности и практики правового регулирования социальных процессов. Правоведы, криминологи, социологи изучают эффективность функционирования правовых норм, выявляют пробелы в праве, проводят системный анализ на предмет непротиворечивости одних законов другим. На этой основе у них появляется видение, какие законы надо принять (как их сформулировать), какие законы надо изменить (скорректировать их текстуальное оформление), от каких следует отказаться, поскольку они либо неэффективны, либо не работают, либо играют деструктивную роль.

Идея права – сложный социально-психологический феномен, который в конечном итоге облачается в филологическую форму, ибо без этого идея не может трансформироваться в норму права.

Итак, первый весьма важный вывод заключается в том, что филологические инструменты позволяют развить идею права таким образом, что субъективность мысли трансформируется в объективность правовой нормы, которая обретает текстуальную форму.

Особенность правовой филологии заключается в том, что право носит системный характер, соответственно, один и тот же текст, один и тот же термин может существенно изменить смысловое содержание в зависимости от того, в какую систему он вписывается, элементом какой системы оказывается.

Нередко идея уголовно-правового запрета, большинству граждан представляющаяся необходимой, долгое время не находит своего воплощения из-за отсутствия единого понимания ее смысла, недоговоренности о терминологии ее выражения. Так, например, не одно десятилетие идут обсуждения целесообразности наложения уголовно-правового запрета на stalking (от англ. *stalking* – «преследование»). Уголовная ответственность за stalking существует в США, Германии, Великобритании, Польше, Норвегии, Канаде, Австралии, Индии (Baum et al., 2009).

Понятие предполагает различного рода активные действия: навязчивое внимание, домогательство, запугивание, слежение, угрозы и т. п. В зависимости от способа преследования выделяют его виды: физический stalking, киберstalking, телефонный или интернет-stalking и т. п. В литературе отмечается, что «в современной действительности понятие “stalking”, приобретая широкую распространенность, обрастает новыми трактовками, толкованиями и формами» (Фирсова, 2025. С. 215). Многообразие понятия рождает опасение слишком расплывчатого описания объективной стороны в диспозиции, а значит, неоднозначного понимания и возможных злоупотреблений в судебной практике, трудностях установления границы, когда такое преследование оказывается общественно опасным. Вероятно, иноязычный термин «stalking» также вызывает отторжение в связи с отсутствием его однозначного смысла в русском языке.

Представляется неудачным использование иноязычного термина «пробация» в принятом в 2023 г. Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации»⁴, так как его дефиниция не совпадает с одноименным давно устоявшимся понятием в зарубежном праве (Хуторская, 1992).

В ст. 185⁶ УК РФ употреблен термин «инсайдерская информация», не являющийся общеупотребимым. Дефиниция этого понятия представлена в Федеральном законе⁵, без обращения к которому смысл уголовно-правового запрета может быть непонятен гражданам. В таких случаях целесообразно дать определение в примечании к статье, как это сделано, например, для гораздо более распространенного и понятного термина «хищение».

Нередко законодатель использует понятия, многозначность которых выявляется лишь в процессе правоприменения. Обеспечение законности в такой ситуации возможно путем легального толкования термина в тексте самой нормы как в диспозиции статьи, так и в примечании. Например, в главе 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» таким образом разъяснены понятия «механическое транспортное средство» и «лицо, находящееся в состоянии опьянения».

3. Реализация правовой идеи в тексте законопроекта: правовых терминах, специальных формулировках, непротиворечивых понятиях

Правовая мысль должна корректно отразить идею права, а затем ее надлежит облечь в филологическую оболочку. Иными словами, в соответствии с филологическим законом герменевтики⁶ правовая мысль должна совпадать с идеей права, а текст правовой нормы должен соответствовать отражению этой идеи в мыслях. О такой смежной области науки, как юридическая герменевтика, писали еще в начале прошлого века. При этом утверждалось, что герменевтика и лингвистика – основа для толкования законов независимо от отрасли (Васьковский, 1913. С. 9). В этом ракурсе значимость филологических инструментов постижения права так же велика, как правовая мысль и правовая идея. Таким образом, филология становится завершающим звеном постижения права. Логика этого процесса такова: от идеи права к правовой мысли, от правовой мысли к тексту правовой нормы, формирующемуся в соответствии с законами филологии. Нарушение закона соответствия между тремя этими элементами влечет утрату нормативным актом правовой сущности.

В 2002 г. Генеральный прокурор Российской Федерации В. В. Устинов защитил диссертацию по теме «Международно-правовые проблемы борьбы с терроризмом». На основании проведенного исследования автор пришел к выводу о необходимости задерживать родственников скрывшихся террористов. Выступая в Государственной Думе в 2004 г., В. В. Устинов предложил внести в Закон «О противодействии терроризму» норму, разрешающую брать родственников террористов в заложники.

Эта мера представлялась как эффективный способ борьбы с данным видом преступности. Идея такого сверхжесткого подхода к реагированию на акты терроризма родилась на основе анализа как российского,

⁴ О пробации в Российской Федерации. № 10-ФЗ от 6 февраля 2023 г. (2023). Российская газета, 9 февраля. <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html>

⁵ О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. № 224-ФЗ от 27.07.2010 (ред. от 08.08.2024). (2024). КонсультантПлюс. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=482770&dst=100017#kM5eUOVTesPehPv5>

⁶ Герменевтика – теория понимания, постижения смысла. Словарь лингвистических терминов Т. В. Жеребило. https://linguistics_dictionary.academic.ru/

так и зарубежного опыта. Так, в 1996 г. в порту Трабзон чеченская группировка захватила российское судно с пассажирами и экипажем. Турецкие спецслужбы взяли в заложники родственников захватчиков, что повлекло их сдачу и спасение заложников⁷. По мнению В. В. Устинова, турецкий опыт был достаточно значимым и заслуживающим внедрения в правоохранительную практику нашей страны. Представив соответствующий законопроект, он обосновал необходимость внесения изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. В ходе обсуждения на заседании в Государственной Думе высказывались позиции за и против. Однако большинство проголосовало против.

Идея Устинова не была реализована в праве, не была зафиксирована в уголовно-процессуальной норме. Однако уголовно-правовое противодействие терроризму развивалось путем введения в Уголовный кодекс все большего количества статей, предусматривающих преступления террористической направленности. Так, в 2002 г. появились запреты, которые так или иначе практически охватывались ст. 205 УК РФ, но привлечение к ответственности предполагалось с учетом норм Общей части о неоконченном преступлении и соучастии. Первоначальный вариант ст. 205¹ УК РФ содержал описание в диспозиции таких деяний, как вовлечение лица в совершение террористического преступления, склонение лица к участию в деятельности террористической организации, вооружение либо обучение в целях совершения таких преступлений и финансирование. В 2006 г. в редакцию этой статьи добавили термины «вербовка», «подготовка к совершению преступления». Термин «финансирование террористического акта» заменили на более широкое понятие «финансирование терроризма». Обособленно криминализировали публичные призывы и публичное оправдание терроризма. В 2013 г. прохождение обучения для терроризма вывели в отдельную статью 205³ УК РФ с описанием, что именно является обучением, а также предусмотрели ответственность за организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205⁴ УК РФ) и организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205⁵ УК РФ). Наконец, в 2016 г. введена ответственность за несообщение о террористическом преступлении (205⁶ УК РФ), которая положила начало ответственности за недонесение.

Решающим фактором отторжения нормы, предложенной В. В. Устиновым, стала некорректная, по мнению депутатов, формулировка законопроекта, предусматривающая применение карательных мер в отношении лиц, которые не совершали преступление, а были всего лишь родственниками.

Возникает вопрос, что в данном случае имело решающее значение: правовые традиции народа либо не совсем корректная формулировка текста закона. Не исключено, что соединение обоих этих факторов привело к тому, что законопроект Генерального прокурора был отвергнут большинством депутатов Государственной Думы.

Правовая идея В. В. Устинова содержала определенное рациональное зерно, которое могло бы позволить повысить эффективность борьбы с терроризмом. Однако эта идея была облечена в не совсем корректную филологическую форму – был употреблен термин «контрзахват». Такая интерпретация противоречила презумпции личной ответственности, поскольку постулировалось, что поводом к применению карательных мер в отношении родственников террористов служили лишь семейные отношения, а это противоречило менталитету российских граждан.

В данной ситуации весьма важную роль сыграл негативный опыт реализации в нашей стране ст. 58^{1b} УК РСФСР 1926 г. В ней устанавливалась ответственность для совершеннолетних членов семьи военнослужащего в случае его побега или перелета за границу, если они способствовали готовящейся или совершенной измене или знали о ней, но не довели это до сведения властей. Такое преступление каралось лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества⁸. Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, которые совместно с ним проживали или находились на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет. Депутаты Государственной Думы не были готовы поступить с фундаментальными уголовно-правовыми принципами субъективного вменения и личной ответственности.

⁷ Уточняем, что турецкие спецслужбы действовали не в соответствии с нормами закона, а согласно ведомственной инструкции, носившей закрытый характер.

⁸ Вышинская, З. А., Меньшагин, В. Д. (1946). Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий (2-е изд.). Москва. С. 65–66.

Несмотря на прямой запрет объективного вменения согласно ч. 2 ст. 5 УК РФ, возводящей субъективное вменение в уголовно-правовой принцип, по тексту Кодекса прослеживается желание законодателя обойти этот запрет. Так, например, Федеральным законом № 14-ФЗ термин «заведомо» был исключен из ряда статей УК РФ, в частности, в ст. 131 и 132 УК РФ в части осведомленности о возрасте потерпевших от изнасилования и насильственных действий сексуального характера. Анализ содержания этого термина в разных статьях УК РФ, где он не исключен (ст. 105, 125, 175 УК РФ и т. д.), а также постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации показывает, что в зависимости от контекста его смысл не идентичен. Так, Н. И. Пикуров пишет: «Сам по себе этот термин не может характеризовать какое-либо свойство преступления, поскольку наполняется смыслом только в соединении с тем или иным признаком состава преступления. Не предусмотренный словарями термин “заведомость” можно рассматривать в качестве рабочего инструмента при исследовании содержания уголовно-правовой нормы» (Пикуров, 2024, с. 67). Критикуя эту неоднозначность, ученые ссылаются на использование филологического инструмента: «Термин “заведомость” представляет собой особый технический прием, применяемый для характеристики субъективной стороны преступления»⁹ (Гаджиева, 2024).

Во многих странах от принципа субъективного вменения отказались. Не исключено, что неблагоприятная динамика терроризма поставит и нашу страну перед такой необходимостью.

В соответствии с конституционной нормой в Российской Федерации человек не несет ответственности за недонесение о преступлении, совершенном близкими родственниками, и за его укрывательство. Здесь тоже можно выдвинуть предположение: неблагоприятная динамика криминальной ситуации в стране поставит под сомнение данное конституционное положение.

Как правило, правовые идеи в нормах права реализуются не сразу. Иногда эти идеи опережают свое время. Общество оказывается не готово к их принятию. Иногда формулировки законопроектов воспринимаются как чрезмерно категоричные. Здесь роль правовой филологии трудно переоценить. Именно правовая филология позволит облечь идею в приемлемую форму и на этой основе трансформировать ее в норму права.

В 2014 г. в Государственную Думу был внесен законопроект «О частных военно-охранных компаниях», который был отклонен. Если бы эта идея была трансформирована в норму права, вооруженный мятеж Пригожина вряд ли бы состоялся. В данном случае корректная формулировка и филологическая доминанта права вступили в противоречие с политическими установками. Конечно, последние одержали верх. Хотя можно уверенно констатировать, что в данном случае реализация филологической доминанты в большей мере соответствовала бы интересам нашей страны (Кулаков, Галактионов, 2023). Частные военные компании (далее – ЧВК) до сего времени функционируют вне правового поля. Несмотря на их несомненную пользу, профессионализм, эффективность и широкий спектр востребованности, в том числе в ходе проведения специальной военной операции, без законодательного регулирования они представляют собой незаконные вооруженные формирования, запрещенные ст. 208 УК РФ. Одной из причин отсутствия закона, легализующего ЧВК, по мнению специалистов, является «отсутствие единого термина, описывающего их деятельность, который подходил бы к каждому типу компаний, оказывающих коммерческие услуги в военной сфере» (Хачак, Вальков, 2023).

4. Анализ и обсуждение проекта закона, коррекция двусмысленных и противоречивых терминов, окончательное формулирование диспозиций и санкций

Говоря об этом направлении правотворчества, следует подчеркнуть его значение, так как есть мнение, что оно не входит в понятие юридической техники (Витвицкая, 2005). С этим сложно согласиться, так как именно при прохождении этапов законопроекта зачастую вносятся изменения, полностью или частично искажающие, вуалирующие идею законодателя. Представляется, что наиболее широкое определение юридической техники соответствует требованиям, предъявляемым к процессу законотворчества. Так, В. В. Чернегова утверждает, что «законотворчество и правоприменение есть непосредственные формы реализации юридической техни-

⁹ Парог, А. И. (2006). Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практическое пособие. М.: ТК Велби, Проспект. С. 48.

ки» (Чернегова, 2025. С. 95). В. Н. Карташов выделяет более точный термин «юридическая технология», включая в него систему мыслительных и внешне актуализированных действий и операций компетентных физических и должностных лиц (органов), связанную с изданием (толкованием, реализацией, систематизацией и т. п.) юридических решений (актов), в ходе которой оптимально используются необходимые ресурсы, общесоциальные, технические и специально-юридические средства, приемы, способы, методы и правила, процессуальные формы и соответствующие типы, виды и подвиды контроля за деятельностью субъектов и участников юридической практики (Карташев, 2007). Думается, что независимо от используемых понятий большинство авторов придают большое значение толкованию юридических текстов как в процессе их создания, так и на стадии правоприменения и признают, что «многообразие регулируемых общественных отношений неизбежно приводит к противоречиям, пробелам в праве» (Чернегова, 2025. С. 95).

В 2006 г. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции. Статья 20 данной Конвенции гласит: «При условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т. е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать»¹⁰. Следует отметить, что уголовное преследование незаконного обогащения показывает свою эффективность за рубежом (Shamsutdinov, 2020).

Логично было бы, ратифицировав данную конвенцию, внести поправки в УК РФ. Однако этого сделано не было. Для ст. 20 Государственная Дума сделала исключение, она не вошла в список положений, по которым Россия обозначила свою юрисдикцию и которые обязательны для исполнения. Аргументом послужило утверждение, что указанная статья противоречит презумпции невиновности. Есть немало оснований полагать, что в данном случае политическая доминанта взяла верх над правовой. Однако несложный филологический анализ показывает несостоятельность приводимой аргументации: не остается сомнений, что термин «презумпция невиновности» используется для того, чтобы скрыть истинные мотивы отказа от ратификации ст. 20 Конвенции ООН. Невольно приходит на ум афоризм: язык дан политикам для того, чтобы скрывать их истинные мысли. Филология права – это особая сфера филологии. Для того чтобы уяснить подлинное содержание термина или смысл правового текста, одного филологического анализа оказывается недостаточно. В данном ракурсе правовой и филологический анализ необходимо дополнить анализом политологическим.

Истинные мотивы отказа депутатским корпусом ратифицировать ст. 20 Конвенции ООН можно понять, если рассмотреть близкое по смыслу предложение президента нашей страны В. В. Путина. 15 января 2020 г. В. В. Путин во время обращения к Федеральному собранию Российской Федерации предложил ввести на конституционном уровне для депутатов и госслужащих запрет на иностранное гражданство, счета и недвижимость за рубежом¹¹. Предложение было отвергнуто депутатами без привлечения филологических изысков – такой законопроект не рассматривался Государственной Думой, и закон не был принят. По каким мотивам депутаты отказались устанавливать запрет для самих себя иметь недвижимость за рубежом, несложно догадаться. По данным газеты «Ведомости», в 2018 г. двадцать шесть депутатов Госдумы задекларировали наличие в собственности недвижимости за рубежом. Однако некоторые это скрыли. Например, один из самых авторитетных депутатов Госдумы, глава Комиссии по этике В. Пехтин, был обвинен в наличии недвижимости за рубежом. Первоначально депутат отрицал этот факт, однако в последующем под тяжестью обвинений он вынужден был подать в отставку с должности депутата Госдумы. Таким образом, политологический анализ показывает, что главной причиной отказа депутатов наложить на законодательном уровне запрет на владение недвижимостью за рубежом является личная установка. О том, что данная установка депутатов не соответствует чаяниям их избирателей, свидетельствует проведенный нами опрос общественного мнения. 97 % опрошенных граждан России считают, что в нашей стране должна быть установлена уголовная ответственность за незаконное обогащение, что соответствует требованиям ст. 20

¹⁰ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=201035447#IO

¹¹ Путин потребовал запретить иностранное гражданство для чиновников. (2020, 15 января). РБК. <https://www.rbc.ru/rbcfree/news/5e1ee6169a7947bd1f36c1c8>

Конвенции ООН и противоречит практике российского законодателя. А на вопрос, считают ли они необходимым установление законодательного запрета на владение депутатами и госслужащими недвижимостью за рубежом, 99 % ответили положительно – такой запрет должен быть установлен. Именно эта установка была главной причиной отказа от ратификации ст. 20 Конвенции ООН. Если бы депутаты, руководствуясь принципом Конфуция «У каждой вещи должно быть правильное имя», назвали истинные мотивы данной законодательной стагнации, они бы поставили тем самым крест на своей политической карьере. Умение провести сложный политолого-филологический и правовой анализ позволит увидеть в истинном свете законодательную реальность Российской Федерации.

Текущая международная обстановка заставила вновь обратиться к теме владения зарубежной недвижимостью парламентариями и их семьями. Внесенный 10 июня 2026 г. депутатом Дмитрием Кузнецовым законопроект, кроме этого запрета, содержит положение о запрете иностранного гражданства или вида на жительство, а также расширяет перечень обязательных деклараций и уведомлений¹². Тот факт, что спустя шесть лет после предложения Президента РФ аналогичную новацию в законодательство предложил депутат Государственной Думы, свидетельствует о ее правовой природе, а депутатская абстракция, опиравшаяся на филологическую ширму, чтобы скрыть истинные мотивы законодателя, носила неправовой характер.

Современное законотворчество далеко не всегда учитывает филологические закономерности. Как отмечается в литературе, «законодательная техника, хотя явление и полезное, но все еще неконкретное, не устоявшееся, а потому не нашедшее всеобщего признания в юридической науке и тем более у законодателя» (Кузнецов, 2025. С. 55). Многие законопроекты не смогли стать законами именно по причине неоднозначности, противоречивости употребляемых в них понятий и искажения идей, заложенных в них. Одним из сложных институтов в этой связи является необходимая оборона, нормы о правомерности которой содержат оценочные понятия и наиболее часто искажаются в судебной практике, что приводит к незаконным и необоснованным судебным актам и снижению эффективности их функционирования.

В апреле 2014 г. депутаты Ярослав Нилов и Игорь Лебедев внесли в Государственную Думу законопроект о дополнении ст. 37 УК РФ нормой о расширении условий правомерности необходимой обороны в ситуации защиты личности или имущества против проникновения в жилище с насилием или угрозой его применения. Закон был отклонен (как и многие аналогичные попытки уточнения правил правомерности необходимой обороны). Основная причина – недостатки формулировок. Так, например, в предлагаемом тексте речь шла о защите своей семьи и своего имущества, что вызвало справедливое замечание о неохвате в такой редакции иных лиц, находящихся в жилище (например, гостей), и их имущества. Кроме того, иногда защита необходима не только от незаконного вторжения, но и от лиц, находящихся в жилище легально. Понятие «жилище» также достаточно расплывчато. К нему не относится территория садового участка, гараж и т. п.¹³

Небрежное отношение к терминологии со стороны законодателя не способствует единообразию судебной практики, а значит, и воплощению принципа законности. Представляется, что в кодексах пределы судебного усмотрения должны быть однозначными и соответствовать процессуальной логике. Так, у суда при рассмотрении уголовного дела и признании лица виновным часто есть выбор между назначением наказания согласно санкции и использованием других мер воздействия. Оснований выбора альтернатив наказанию становится все больше. Если в 1997 г., когда кодекс начал действовать, было предусмотрено четыре вида освобождения от ответственности и пять видов освобождения от наказания, а также амнистия и помилование, то за эти тридцать лет их стало суммарно шестнадцать. Далеко не все они вписались в систему уголовно-правового воздействия, в частности, по объему кары, обязанностей и запретов. Некоторые недостатки лежат в плоскости именно терминологических различий.

Первоначальная редакция УК РФ устанавливала четкие указания суду применять освобождение там, где наличествуют основания и условия, предусмотренные законом. Так, например, регламентируя условно-досрочное освобождение в ч. 1–5 и п. «а», «б» ч. 7 ст. 79 УК РФ, законодатель неизменно употребляет конструкции «лицо может быть освобождено» либо «вопрос решается судом», означающие, что у суда есть выбор – при-

¹² В ГД предлагают запретить депутатам и сенаторам иметь недвижимость за границей. (2026, 10 июня). ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/27711589>

¹³ Селиверстов, В. И. (2014, 8 октября). Про оборону жилища. ТАСС. <https://tass.ru/opinions/1597474>

менить эту альтернативу дальнейшему отбыванию наказания или отказать осужденному в освобождении. И только формулировка п. «в» ч. 7 ст. 79 УК РФ звучит безальтернативно: «суд назначает наказание».

По такому же принципу построены статьи глав 11 и 12 УК РФ в первоначальной редакции Кодекса. Во вновь введенных ст. 76¹, 78¹, 80¹, 80² УК РФ употреблено выражение «лицо освобождается». Такой филологический нюанс исключает судебское усмотрение, не оставляя суду выбора для проявления принципа индивидуализации и дифференциации уголовной ответственности и наказания в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного, учета смягчающих и отягчающих обстоятельств, что нельзя считать справедливым.

5. Толкование закона: аутентичное, судебное, доктринальное

Аутентичное толкование наиболее приближено к воплощению принципа законности, так как законодатель сам разъясняет вложенный в термин смысл. Например, понятие хищения как «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества», формулируемое в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, ставит точку в спорах о моменте окончания кражи, грабежа, мошенничества и т. п., а также о материальной форме составов этих преступлений, акцентируя внимание на наступлении последствий в виде причинения ущерба.

В тех статьях, где в законе употреблен термин, который может означать как процесс, так и результат, вопрос окончания преступления является дискуссионным либо практика руководствуется традиционными подходами, выработанными на основе судебных или доктринальных рекомендаций. Это относится к большинству преступлений, где применяются такие термины, как доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, принуждение, вовлечение, использование, изнасилование, похищение человека, незаконное лишение свободы, угон транспортного средства, надругательство и т. д.

Нередко законодатель использует понятия, многозначность которых выявляется лишь в процессе правоприменения. Обеспечение законности в такой ситуации возможно путем легального толкования термина в тексте самой нормы как в диспозиции статьи, так и в примечании. Например, в главе 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» таким образом разъяснены понятия «механическое транспортное средство» и «лицо, находящееся в состоянии опьянения».

Чаще мысль законодателя разъясняется в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так, например, термин «вооруженность», согласно судебному толкованию, следует понимать по-разному применительно к банде или незаконному формированию. В ст. 209 УК РФ необходимо «наличие у участников банды огнестрельного или холодного, в том числе метательного, оружия как заводского изготовления, так и самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия». При этом вооруженной будет считаться даже такая банда, в которой лишь один из участников имеет оружие, а остальные осведомлены об этом¹⁴.

Вооруженность как обязательный признак незаконного формирования предполагает наличие у его участников любого вида огнестрельного или иного оружия, боеприпасов и взрывных устройств, в том числе кустарного производства, а также боевой техники. При этом речь идет о приобретении хотя бы несколькими лицами таких предметов. Не входят в данный перечень холодное, метательное, газовое и пневматическое оружие¹⁵.

Расхождение в обыденном и юридическом смысле понятий, не имеющих легального правового определения, иногда восполняется в процессе судебного толкования применительно к отдельным статьям УК РФ. Нередко это повод к доктринальному анализу понятия. Так, выражение «лицо, впервые совершившее преступление», широко применяется в Общей части Уголовного кодекса: как признак смягчающего обстоятельства, в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности по различным основаниям (деятельного раскаяния, примирения с потерпевшим, в связи с назначением судебного штрафа) и т. п. В обыденном сознании

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1. (1997). СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13102/

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016). (2016). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/

оно означает, что лицо никогда раньше не совершало преступление. Гораздо более узкий смысл заложен в правовом сознании – лицо, которое не имеет судимости, т. е., возможно, ранее преступления и совершались, но к моменту определения его правового статуса судимость снята или погашена. В литературе высказаны различные позиции по толкованию понятия «лицо, впервые совершившее преступление» (Пархоменко, 2018).

Иногда традиционный термин, точно отражающий понятие, устаревает с развитием науки и требует замены на более адекватный. Так, ст. 121 УК РФ содержит запрет заражения венерической болезнью. Термин «венерическая болезнь» употреблялся в УК РФ 1922, 1926 и 1960 гг. Такие болезни отнесены к социально значимым и представляющим опасность для окружающих. В ныне действующей Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, десятого пересмотра (МКБ-10) (версия 2.23 от 19.07.2023) они называются инфекциями, передающимися преимущественно половым путем. Венерические заболевания являются составной частью этого понятия. На сегодняшний день в мире насчитывается около двадцати пяти их видов. Буква закона не позволяет привлечь к ответственности за заражение теми весьма распространенными новыми заболеваниями (кандидоз, хламидиоз, генитальный герпес, микоплазмоз, папилломавирусная инфекция и др.), которые не менее опасны, но в медицинских документах называются не венерическими, а инфекциями, передающимися преимущественно половым путем.

6. Систематизация уголовно-правовых понятий и структурирование кодифицированного права

Уголовное законодательство, как и законодательство вообще, носит системный характер. Противоречащим системе построения санкций следует считать новацию 2011 г., необоснованно расширившую судебское усмотрение при назначении наказания. На первый взгляд, незначительная корректировка текста правовой нормы (в данном случае санкции) может остаться незамеченной широкой юридически необразованной аудиторией. Например, Федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ в санкции ч. 4 ст. 111 УК РФ исключили слова «от пяти», то есть с этого времени за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, можно назначить до пятнадцати лет лишения свободы, что воспринимается обыденным сознанием как вполне справедливое наказание. Но если раньше минимальный срок лишения свободы составлял пять лет, то теперь это два месяца, назначение которых за это преступление является абсолютно законным. Тем самым законодатель показал, что при умышленном преступлении, последствием которого стала смерть человека, вполне легальным наказанием является минимальное лишение свободы от двух месяцев. Такая незначительная, на первый взгляд, лаконичная филологическая новация открыла возможность коррупционного решения вопроса без нарушения правил назначения наказания. Учитывая, что вышеуказанный закон в массовом порядке исключил минимальные пределы наказаний в санкциях УК РФ, такой завуалированный филологический прием можно считать весьма коррупциогенным инструментом.

Изменение места нормы в правовой системе также может существенно изменить не только лексическое значение содержащихся в ней терминов, но и привести к утрате нормой правовой сущности.

Весьма интересна в данном отношении следующая правовая трансформация. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. Особенная часть начиналась с главы «Особо опасные государственные преступления». Статья 64 УК РСФСР была озаглавлена «Измена Родине». В ныне действующем УК РФ феномен измены Родины трансформировался в нечто неопределенное, именуемое термином «Государственная измена». Более того, ст. 275 УК РФ, в которой раскрыты признаки указанной антигосударственной деятельности, помещена в главу 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», входящую в раздел X УК РФ «Преступления против государственной власти». Для того чтобы выявить лексические различия терминов «измена Родине» и «государственная измена» в обыденном восприятии, авторы провели анкетирование. Респондентам был задан вопрос: какое деяние, по их мнению, представляет большую опасность для Российской Федерации и ее граждан: измена Родине или государственная измена. 70 % опрошенных заявили, что измена Родине более опасна, 11 % сочли эти термины равнозначными, 19 % затруднились ответить. Никто из опрошенных не посчитал более опасным государственную измену. На вопрос, какую формулировку для данного деяния респонденты сочли бы более правильной, 63 % высказались за то, что более корректна измена Родине. Они же посчитали целесообразным отказаться в УК РФ от термина «государственная измена» и заменить его изменой Родине.

Трудно сказать, чем руководствовался законодатель, отказавшись от правового понятия «измена Родине». Однако есть немало оснований полагать, что депутаты Государственной Думы оказались под влиянием стихотворных строк Е. Евтушенко: «Я Родину свою люблю, а государство ненавижу!» Казалось бы, незначительные структурные изменения Уголовного кодекса, а скрытый в них правовой и политический смысл поистине грандиозен.

И название, и место ст. 64 УК РСФСР подчеркивали особую опасность указанного преступного деяния и чрезвычайную значимость мер уголовно-правового реагирования в отношении посягательства, которое в СССР представлялось особо ценным. А в УК РФ 1996 г. этот объект посягательства перестал рассматриваться в качестве первостепенного. Аргументом, подтверждающим эту гипотезу, может служить ст. 2 УК РФ, где среди объектов уголовно-правовой охраны государство отсутствует. В этой статье зафиксирована в качестве одной из задач охрана конституционного строя, но, даже не будучи дипломированным филологом, любой гражданин скажет, что конституционный строй и государство – это далеко не одно и то же. Печальный опыт 1991 г., когда конституционный строй СССР не воспрепятствовал развалу государства, – убедительное тому доказательство. Выступая на XIV Петербургском международном юридическом форуме, министр юстиции Российской Федерации К. А. Чуйченко отметил, что верховенство закона, а значит, гарантии прав и свобод граждан слабое государство обеспечить не может, поэтому на первом плане должны быть защита и укрепление государства¹⁶.

7. Восприятие закона гражданами и отражение объективного содержания правовой нормы в их правосознании, мыслях субъекта, его чувствах и отношениях

Устоявшееся понятие в праве может принимать различные формы, трансформироваться, обретать видовые различия, и таким образом лексическое значение термина может варьироваться. Например, термин «конфискация имущества» в обыденном сознании отличается от его понимания юристом. Несмотря на наличие в УК РФ главы 15¹ «Конфискация имущества», в ходе анализа эффективности мер борьбы с коррупцией юрист может сделать вывод: «Напрасно мы отказались в 2003 г. от такого вида наказания, как конфискация». Отличие конфискации как вида наказания от конфискации как иной меры¹⁷ является филологическим нюансом, маскирующим для обыденного сознания содержание понятия. Поэтому суждение о том, что в 2006 г. конфискация имущества была восстановлена, может обманчиво положительно оцениваться в общественном сознании, но справедливо вызовет возражение юриста.

В соответствии с правовой теорией конфискация может выступать как в роли уголовного наказания, так и в роли иных мер уголовно-правового характера. До 08.12.2003 конфискация имущества представляла собой вид дополнительного уголовного наказания. Изъятию подлежало все имущество осужденного (за исключением перечня необходимого) – полная конфискация или части имущества – частичная конфискация независимо от происхождения этого имущества.

Современный вариант конфискации в качестве иной меры предусмотрен с 27.07.2006, когда принудительно безвозмездно изымаются и обращаются в собственность государства: имущество, полученное преступным путем от преступлений, перечень которых приводится в п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ; доходы, полученные от этого имущества; средства, используемые или предназначенные для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации); а также деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации; орудия, оборудование или иные средства совершения преступления (в том числе транспортные), принадлежащие обвиняемому. Такая конфискация не имеет карательной сущности, так как отнимает у осужденного то, что ему не принадлежит по праву. Кроме того, возникают существенные практические сложности исполнения этой меры с учетом интересов третьих лиц – новых владельцев имущества.

¹⁶ Глава Минюста Чуйченко счел неправильным приоритет прав человека над интересами государства. (2026, 24 июня). РБК. <https://www.rbc.ru/politics/24/06/2026/6a3bc8359a794707f4e94ef1>

¹⁷ На данный момент институт конфискации отнесен в раздел VI УК РФ, который называется «Иные меры уголовно-правового характера».

Таким образом, лишь сложный термин «конфискация как уголовное наказание» может корректно выразить правовую идею о необходимости восстановления именно этого института. Этот пример ярко иллюстрирует, как трансформируется содержание понятия от его места в структуре права: перемещение нормы о конфискации из главы о видах наказания в главу об иных мерах уголовно-правового характера радикальным образом изменяет сущность рассматриваемого правового института.

Еще одно неоднозначное толкование связано с термином «отсрочка». В уголовно-правовых отношениях речь может идти об отсрочке исполнения приговора (ст. 398 УПК РФ) и отсрочке отбывания наказания (ст. 82 и 82¹ УК РФ, а также ст. 177 и 178 УИК РФ).

Согласно Толковому словарю Ожегова, отсрочка означает «возможность выполнения чего-нибудь в более поздний срок»¹⁸. Обыденное понимание не предполагает подчас такой вариативности юридической интерпретации текста, что обуславливает искажение смысла, его иногда умышленную завуалированность. Юридическая техника стремится к однозначности уяснения юридических терминов, а герменевтика обыденной коммуникации бывает шире. Специалисты отмечают, что «совпадение широко используемых общенародных слов со специальными терминами вызывает трудности их практического понимания рядовыми носителями языка» (Воробьева, 2011. С. 174).

Отсрочка исполнения приговора связана с различными обстоятельствами согласно перечню ст. 398 УПК РФ: болезнью осужденного; беременностью осужденной, наличием малолетнего ребенка у матери или отца, если он является единственным родителем; тяжкими последствиями или угрозой их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванные исключительными обстоятельствами, добровольным желанием вылечиться от наркомании и реабилитироваться, а также при невозможности уплаты штрафа. Варианты такой отсрочки содержат исключения для разных категорий осужденных и срок каждой из отсрочек, по истечении которого приговор должен быть исполнен. Очевидно, что в тексте УПК РФ термин «отсрочка» употреблен в точном значении этого слова.

Этот же принцип соответствия лингвистического и юридического значения понятия был выдержан в УК РСФСР, по которому было три разновидности отсрочки отбывания наказания. Она предусматривалась для военнослужащих или военнообязанных в военное время; лицу, впервые осуждаемому к лишению свободы на срок до трех лет; а также беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей. Во всех перечисленных случаях по истечении срока отсрочки у суда была альтернатива – освободить от отбывания наказания или оставшейся его части или заменить более мягким наказанием либо возвратить осужденного в исправительно-трудовое учреждение для отбытия наказания или неотбытой его части.

В УК РФ представлены две статьи, регламентирующие отсрочку – так называемую родительскую (ст. 82 УК РФ) и для лиц, больных наркоманией (ст. 82¹ УК РФ). Отсрочка в редакции УК РФ не является таковой в лингвистическом понимании этого термина, так как при выполнении условий, перечисленных в выше-названных статьях, освобожденные по данным основаниям не понесут назначенного наказания, а будут от него освобождены либо приговорены к более мягкому виду наказания. Такой же смысл заложен в ст. 177 и 178 УИК РФ. Как правило, обыденное понимание отсрочки создает иллюзию того, что виновные все равно понесут наказание, но позже. Однако уголовное и уголовно-исполнительное законодательство этого не допускает.

Ярким примером значимости вербального воздействия в вопросах уголовно-правовой квалификации является дело Е. А. Кочешковой, которая нанесла смертельный удар, защищаясь от пьяного сожителя. Коллегия присяжных женщину оправдала, признав ее действия оборонительными. Прокуратура обжаловала вердикт по различным основаниям, в том числе ссылаясь на то, что адвокат Кочешковой в своей речи использовала цитаты, принадлежащие якобы Публию Сиру «Защищаться и оправдываться всегда сложнее, чем обвинять» и Уинстону Черчиллю «Ложь успевает обойти полмира, пока правда надевает штаны». Апелляционная инстанция поддержала отмену оправдательного приговора, записав в определении, что «Уинстон Черчилль никогда не жил в Российской Федерации, не являлся ее гражданином, а следовательно, все высказывания данного лица, в том числе и о лжи, имеют отношение исключительно к нравам, обычаям и традициям страны, подданным которой он являлся, а не Российской Федерации, к которой данное лицо никакого отношения

¹⁸ Словари и энциклопедии на Академике. <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>

не имеет. Какие-либо суждения данного лица не могут быть отнесены к Российской Федерации, и цитирование таких лиц при осуществлении правосудия в Российской Федерации недопустимо»¹⁹. Характерно, что в прямой зависимости от произнесенных адвокатом ради красноречия слов оказалась законность приговора и судьба подсудимой.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Право и филология – две области познания, которые при комплексном исследовании создают эффект синергии и взаимно обогащают друг друга. Слово – инструмент трансформации правовой идеи в юридическую конструкцию. Текст – это форма бытия правовой нормы. Процесс постижения, развития и толкования права в свою очередь способствует развитию лексической теории, ставит на повестку дня открытие филологических законов и аксиом. Реализация филологической парадигмы – важнейший этап правовой трансформации из сферы интуитивизма в сферу текстологии. Филологические закономерности словообразования и формирования текста играют фундаментальную роль в процессе трансформации правовой идеи в правовую концепцию, в законопроект и в норму права.

Весьма большое значение филологические закономерности и парадигмы построения текста имеют в процессе совершенствования правовых концепций и законотворческой деятельности при выявлении лакунов, противоречий, искажения понятий в проектах уголовно-правовых норм.

Трудно переоценить значимость использования законов филологии в процессе толкования юридических терминов в уголовном законодательстве, правоприменительной практике и правосознании. Исследовательский опыт показывает, что у данного комплексного научного направления весьма многообещающие перспективы.

Список литературы

- Александров, А. С. (2003). *Язык уголовного судопроизводства*: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород. EDN: NHIWAJ
- Васьковский, Е. В. (1913). *Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов*. Москва.
- Витвицкая, С. С. (2005). К вопросу о законодательной технике в уголовном праве. *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки*, 4, 95–98. EDN: HRTIQR
- Воробьева, М. Е. (2011). Функционирование юридических терминов в обыденном сознании носителей русского языка. *Вестник КемГУ*, 3(47), 174–180. EDN: OKABFT
- Гаджиева, А. А. (2024). Проблемы реализации принципа субъективного вменения в уголовном праве. *Проблемы в российском законодательстве*, 3. EDN: KJKRJS
- Голев, Н. Д. (2004). О специфике языка права в составе общенародного русского языка. *Юрислингвистика*, 5. EDN: VQHDUH
- Голев, Н. Д., Иркова, А. В. (2023). Семантическая диффузия юридических и околоюридических терминов как практическая и исследовательская проблема. *Юрислингвистика*, 27(38), 44–48.
- Голев, Н. Д., Иркова, А. В. (2025). Смысловая неопределенность как предмет судебной лингвистической и антикоррупционной экспертиз. *Подготовка экспертов гуманитарных специальностей в современных реалиях: сборник научных работ по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием* (с. 160–169). Москва. EDN: SQYEXS
- Карташов, В. Н. (2007). Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования. *Юридическая техника*, 1, 16–24. EDN: PJCLLH
- Кузнецов, А. Ю. (2025). *Методологические проблемы толкования уголовного закона и судейского усмотрения при его применении*. Москва: Проспект. EDN: MWSWYT
- Кузнецова, О. Г. (2022). Лексический компонент юридического дискурса. В сб. *Теоретические и прикладные аспекты развития современной науки и образования: материалы V Всероссийской научно-практической конференции* (с. 30–38). Чебоксары. EDN: TTDVEJ

¹⁹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда от 18 августа 2025 года. https://nnobsud.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=26924615&delo_id=4&case_type=0&new=4&text_number=1&srv_num=2

- Кулаков, А. В., Галактионов, С. А. (2023). Правовой статус частных военных компаний в Российской Федерации. *Вестник Самарского юридического института*, 1(52), 63–66. EDN: GTMIPF. DOI: 10.37523/SUI.2023.52.1.009
- Лавицкий, А. А., Дединкин, А. Л. (2024). Нивелирование терминологических лакун в белорусском законодательстве: вопросы теории и практики. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*, 2, 96–105. EDN: YVWFOA
- Пархоменко, Д. А. (2018). Об определении понятия лица, впервые совершившего преступление, основанного на уголовном законе. *Сибирский юридический вестник*, 1, 90–95. EDN: GCAFPX
- Пикуров, Н. И. (2024). «Заведомость» как элемент конструкции уголовно-правовой нормы: проблемы квалификации преступлений. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*, 4(116), 66–74. EDN: RUZHAM. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.116.4.066-074
- Платон. (1993). Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. В сб. *Философское наследие* (т. 116). РАН, Институт философии (с. 497–504). Москва: Мысль.
- Ситникова, А. И. (2024). Законодательно-текстологический анализ преступлений террористической направленности (ст. 205, 205¹, 205³ УК РФ). *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке*, 3, 14–23. EDN: DXSBYH. DOI: 10.31085/2949-138X-2024-2-240-14-23
- Соссюр, Ф. де. (2025). *Курс общей лингвистики: Изданный Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингера* (пер. с фр.; под ред. и с примеч. Р. О. Шор). Москва: ЛЕНАНД.
- Фирсова, А. Р. (2025). История становления stalking как общественно опасного явления. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, 3(164), 209–215. EDN: EPZOCT
- Хачак, Б. Н., Вальков, Г. Г. (2023). Правовой статус частных военных компаний в РФ. *Научные высказывания*, 10(34), 58–61. EDN: MQLKYK
- Хуторская, Н. Б. (1992). *Институт пробации в США: уголовно-правовые, криминологические и организационно-управленческие аспекты*: дис. ... канд. юрид. наук. Москва. EDN: NPQZDR
- Чернегова, В. В. (2025). Теоретико-исторические основы в исследовании понятия «юридическая техника». *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*, 1(112), 91–99. EDN: GBUEZF
- Baum, K., Catalano, Sh., & Rand, M. (2009). Stalking Victimization in the United States. *Bureau of Justice Statistics Special Report*, NCJ 224527, 1–16.
- Shamsutdinov, B. S. (2020). Criminal responsibility for corruption in the legislation of foreign countries. *Научно-практические исследования*, 6-1(29). EDN: SOLSXH

References

- Alexandrov, A. S. (2003). *Language of criminal court proceedings*: abstract of Dr. Sci. (Law) thesis. N. Novgorod. (In Russ.).
- Baum, K., Catalano, Sh., & Rand, M. (2009). Stalking Victimization in the United States. *Bureau of Justice Statistics Special Report*, NCJ 224527, 1–16.
- Chernegova, V. V. (2025). Theoretical and historical foundations in the research of the concept “Legal Technique”. *Vestnik Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 1(112), 91–99. (In Russ.).
- Firsova, A. R. (2025). The history of stalking as a socially dangerous phenomenon. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 3(164), 209–215. (In Russ.).
- Gadzhieva, A. A. (2024). Problems of implementing the principle of subjective imputation in criminal law. *Gaps in Russian Legislation*, 3. (In Russ.).
- Golev, N. D. (2004). On the specifics of the language of law within the common Russian language. *Yurislingvistika*, 5. (In Russ.).
- Golev, N. D., & Irkova, A. V. (2023). Semantic diffusion of legal and near-legal terms as a practical and research problem. *Yurislingvistika*, 27(38), 44–48. (In Russ.).
- Golev, N. D., & Irkova, A. V. (2025). Semantic uncertainty as a subject of forensic linguistic and anti-corruption examinations. *Training humanitarian experts in modern realities: collection of scientific papers of All-Russia scientific-practical conference with international participation* (pp. 160–169). Moscow. (In Russ.).
- Kartashov, V. N. (2007). Legal technology or legal technique? Some methodological aspects of research. *Yuridicheskaya Tekhnika*, 1, 16–24. (In Russ.).
- Khachak, B. N., & Valkov, G. G. (2023). Legal status of private military companies in the Russian Federation. *Nauchnye vyskazyvaniya*, 10(34), 58–61. (In Russ.).
- Khutorskaya, N. B. (1992). *Institute of probation in the USA: criminal-law, criminological, and organizational-managerial aspects*: Cand. Sci. (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).
- Kulakov, A. V., & Galaktionov, S. A. (2023). Legal Status of Private Military Companies in the Russian Federation. *Vestnik Samarskogo Yuridicheskogo Instituta*, 1(52), 63–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.37523/sui.2023.52.1.009>
- Kuznetsov, A. Yu. (2025). *Methodological problems of interpretation of the criminal law and judicial discretion in its application*. Moscow: Prospekt. (In Russ.).

- Kuznetsova, O. G. (2022). Lexical component of legal discourse. In *Theoretical and applied aspects of the modern science and education development: proceedings of the 5th All-Russia scientific-practical conference* (pp. 30–38). Cheboksary. (In Russ.).
- Lavitski, A. A., & Dziadzinkin, A. L. (2024). Levelling terminological gaps in the belarusian legislation: questions of theory and practice. *Journal of the Belarusian State University. Philology*, 2, 96–105. (In Russ.).
- Parhomenko, D. A. (2018). Of the definition of the person has committed a crime based on criminal law. *Siberian Law Herald*, 1, 90–95. (In Russ.).
- Pikurov, N. I. (2024). Reliable knowledge as an element of the design of a criminal law norm: problems of qualification. *Courier Of The Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 4(116), 66–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.116.4.066-074>
- Plato. (1993). Collection of works in 4 vol. Vol. 2. In *Philosophical heritage* (vol. 116). RAS, Institute of Philosophy (pp. 497–504). Moscow: Mysl. (In Russ.).
- Saussure, F. de. (2025). *Course in general linguistics: edited by Ch. Bally and A. Sechehaye with participation of A. Riedlinger* (transl. from French; edited and commented by R. O. Shor). Moscow: LENAND. (In Russ.).
- Shamsutdinov, B. S. (2020). Criminal liability for corruption in the legislation of foreign countries. *Nauchno-prakticheskie issledovaniya*, 6-1(29).
- Sitnikova, A. I. (2024). Legislative and textual analysis terrorist crimes (articles 205, 2051, 2053 of the Criminal Code of Russian Federation). *Criminal law: a development strategy in the 21st century*, 3, 14–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.31085/2949-138x-2024-2-240-14-23>
- Vaskovsky, E. V. (1913). *Guide to the interpretation and application of laws: for novice lawyers*. Moscow. (In Russ.).
- Vitvitskaya, S. S. (2005). On legislative technique in criminal law. *Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*, 4, 95–98. (In Russ.).
- Vorobyova, M. E. (2011). Functioning of juridical terms in ordinary consciousness of native speakers of Russian. *Bulletin of Kemerovo State University*, 3(47), 174–180. (In Russ.).

Вклад авторов

С. М. Иншаков разрабатывал концепцию статьи, участвовал в обзоре литературы, в формулировке всех разделов статьи.

В. А. Казакова участвовала в обзоре литературы, в формулировке всех разделов статьи, осуществляла финальную редактуру.

The author's contributions

S. M. Inshakov developed the concept and participated in reviewing the literature and formulating all sections of the article.

V. A. Kazakova participated in reviewing the literature and formulating all sections of the article, and provided final editing.

Информация об использовании искусственного интеллекта

ИИ не использовался.

Information about the use of artificial intelligence

AI was not used.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 30.06.2026

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 01.08.2026

Дата принятия в печать / Accepted 25.08.2026